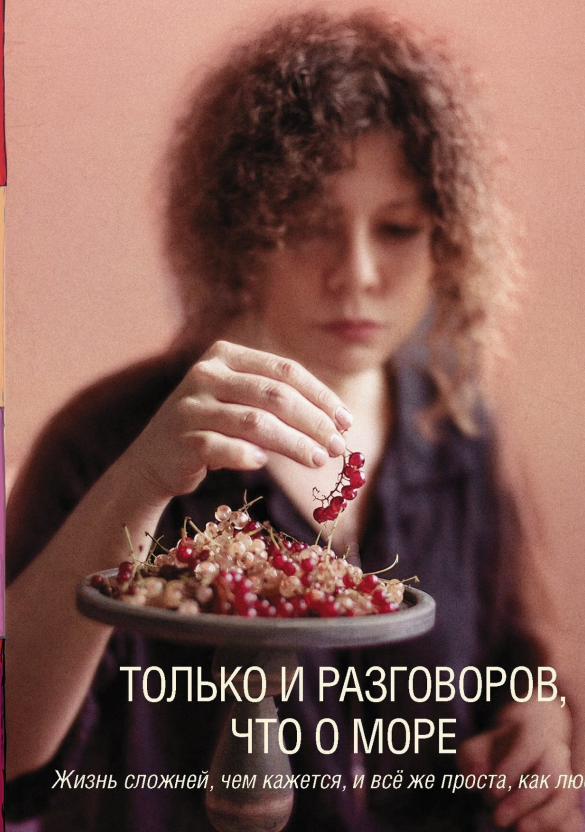

МАРТА КЕТРО

ТОЛЬКО И РАЗГОВОРОВ,
ЧТО О МОРЕ

Жизнь сложнее, чем кажется, и всё же проста, как любовь

Марта Кетро
Только и разговоров,
что о море
Серия «Легенда русского Интернета»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63422877

Только и разговоров, что о море: Издательство АСТ; М.; 2020

ISBN 978-5-17-133540-3

Аннотация

Фэй Гейз толстая. И не такая, как все эти женщины, впадающие в отчаяние из-за лишней складочки, а по-настоящему, когда вес в килограммах равен росту в сантиметрах. Фэй Гейз – это 165 кило горькой иронии, здравомыслия и жира, который, по утверждению врачей, совсем скоро её убьёт. Чтобы выжить, она должна впустить в свою жизнь всё, во что прежде не верила ни на грош, – танец, магию, любовь и просто других людей, которым можно доверять. Или нельзя. Всё сложнее, чем хотелось бы.

Эта книга будет вас смешить, пугать, удивлять, злить, затягивать и наверняка растрогает.

Она сложнее, чем кажется, и всё же проста, как любовь.

Содержание

Часть первая	5
24	5
22	16
21	26
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Марта Кетро

Только и разговоров, что о море

© М. Кетро, 2020

© Фото на переплете М. Бесчастнова, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Часть первая

24

Врач сказал, что если она не остановится, то умрёт через пару лет.

Фэй страшно разозлилась, нехрен её программировать на такое, и даже хотела подать в суд. Да что там, она сходила к адвокату на бесплатную консультацию. Собственного поверенного пока решила не ставить в известность, но повсюду есть выжиги, которые выуживают рыбу из мутной воды, привлекая клиентов объявлениями «вы платите только в случае успеха!». Но приди к ним, и окажется, что и в случае неудачи издержки всё равно на тебе, горы каких-то подводных камней и вообще: «мисс Гейз, не уверен, что это дело можно выиграть».

– Он всего лишь делал свою работу, врач обязан сообщать пациенту о рисках. – Лощёный адвокатишка с некоторой тревогой следил за ней.

Точнее, он беспокоился о судьбе ветхого офисного стула, на котором сидела Фэй, и вздохнул с облегчением, когда она собралась уходить. Даже подсластил пилюлю на прощание:

– Но всё же сохраните мой телефон, мисс Гейз, вам может понадобиться поддержка. Вы не представляете, сколько ис-

ков выигрывают люди ваших... вашей комплекции – против авиаперевозчиков, заведений с узкими дверными проёмами, производителей бесполезной еды, кресел, унитазов.

Он хохотнул, но, поймав разъярённый взгляд Фэй, немедленно заткнулся и до двери провожал её с непроницаемым выражением лица.

Тут он был прав, девушку весом в триста пятьдесят фунтов злить не стоит.

На самом деле он действительно мог пригодиться, если бы не был таким мерзопакостным. Многие из её клуба держали под рукой крючкотворов, чтобы при случае прищучить крупную компанию, которая провинилась перед такими, как они. В воздухе летали миллионные иски – о физическом ущербе, нанесении моральных травм и неуважительном обращении.

– Не выиграем, так хоть развлечёмся, – говаривала её приятельница Розмари-346. – Они у нас попляшут, фетшеймеры, лукисты и мизогины, ублюдки тощие.

– А мизогины-то они почему? – спросила Фэй, несколько утомлённая её энергией. Дамы сидели в кафе на широких диванах, обтянутых красной кожей, и ждали заказ.

– А потому что не бывает женщин без целлюлита, – тут же закипела Розмари. Она, впрочем, и не остывала никогда. – Это как сиськи и вагина, есть у всех, вопрос только в размерах, у одних больше, у других меньше. А эти уроды втолко-

вываают поколениям девочек, что красота – это когда у тебя такого нет.

– Вагины?! – изумилась Фэй.

– Целлюлита!

Фэй нравилось слегка злить Розмари, так-то она прекрасно понимала, о чем речь, эта тема муссировалась уже многие годы, надо оглохнуть и ослепнуть, чтобы оказаться не в курсе бодипозитивных лозунгов. В сущности, их «клуб 333» создавался на той же волне. Туда не принимали людей, чей вес был ниже трёхсот тридцати трёх фунтов, а похудевших торжественно исключали. Каждый раз глава клуба Морган-431 произносил осторожную речь, в которой желал уходящему удачи и шутил, что их двери для него не закрыты. «Мы рады, что ты нас покидаешь, но не станем порицать, если вдруг вернёшься. В конце концов, всегда существует пространство для роста, есть ещё клубы 444, 555 и, свят-свят-свят, 666». Ха-ха-ха. Очень-очень смешно.

Иногда Фэй чувствовала, что ненавидит цифры. Весь мир свёлся для неё к числам – на весах, в медицинской карте, на сантиметровой ленте. Только и разговоров у людей – сколько вешишь, похудела или прибавила, какой у тебя процент жира, объёмы, а ты поместишься в этом кресле? Вот как родится человек, нацепляют на него бирку с унциями-дюймами и показателями по шкале Апгар, так всю жизнь он с ней и ходит, только цифры меняются и добавляются новые. Возраст, коэффициент интеллекта, уровень дохода, длина члена

или размер сисек, число подписчиков на твоём канале в Инстаграм – да мало ли чем люди измеряют успешность друг друга. И если сам не хочешь играть в эти игры, всё равно тебя взвесят, измерят и посчитают. «Мене, текел, упарсин»¹ пылают на каждой стене, в каждой голове, но толстяков на этом огне просто поджаривают.

Теперь ко всему в голове Фэй появилось табло обратного отсчёта: ещё в феврале у неё было двадцать четыре месяца, а в марте осталось двадцать три. Врачу она верила, хотя он назвал приблизительный срок, но дела плохи.

После того как прошёл первый приступ ярости, Фей вернулась к нему и потребовала объяснений.

– Коротко говоря, – доктор Гриффин вывел на монитор результаты её кардиограммы и ангиографии, – к вашему обычному диабету добавились ишемия и тромбоз, о которых я предупреждал ещё несколько лет назад. И всё это на фоне обструктивной болезни лёгких. Ничего неожиданного, как по учебнику.

– Это, конечно, большое утешение для меня, – кивнула Фэй. – Вы в таком случае наверняка знаете, как оно лечится – таблетки и всё такое? И не трудитесь произносить то мерзкое слово на «П». Я знаю! Я в курсе! Ещё что, кроме этого?

– Боюсь, кроме этого мне нечего сказать.

¹ Согласно ветхозаветной Книге пророка Даниила – слова, начертанные на стене таинственной рукой во время пира вавилонского царя Валтасара незадолго до падения Вавилона. Буквальный перевод с арамейского «мина, шекель, полмины» – «взвешен, измерен, оценён».

– Что, совсем ничего, вся современная медицина не может предложить мне ни колёс, ни уколов, ни операций? Можно ведь ушить желудок...

– В комбинации существующих заболеваний хирургия бессильна, если коротко. Если подробно – с такими лёгкими вы не сможете выйти из наркоза...

– Но я же бросила курить ещё в прошлом году!

– За это я вам бесконечно благодарен...

– ...И набрала ещё полсотни фунтов.

Именно этот рывок к здоровью привёл Фэй в клуб 333. Смешно. Беседа с доктором чаще всего доставляла Фэй некоторое удовольствие, они перебрасывались короткими ехидными репликами, мрачноватый юмор Гриффина обычно не задевал. Но в последнее время она утратила самообладание, трудно держать себя в руках, когда слышишь: «Вам осталось два года».

– Ладно, так отчего я, по-вашему, умру? – Фэй была почти спокойна, ей удалось отложить переживания на потом и вести разговор, как светскую беседу. Она вообще была чемпионом по откладыванию проблем, чего уж там.

– О, это как скачки. – Доктор Гриффин позволил себе улыбнуться. – Мы можем гадать, какая из лошадок придёт первой, – диабет довершит свои разрушения, оторвётся тромб, откажут лёгкие или не выдержит сердце. Не хочу сказать, что вы вышли на финишную прямую, но считайте, она за поворотом.

– Это будет медленно и больно?

– С высокой вероятностью, всё произойдёт быстро, но ничего гарантировать не могу.

– И что, никаких шансов?

– Ну почему же, если не всё, то многое в ваших руках, как и прежде. Я дам вам направление к диетологу, вы же посещали его?

– Неоднократно, – кивнула Фэй.

– И наверняка получили рекомендации. Но в свете новых данных диету нужно ещё немного подкорректировать, тромбоз выдвигает нам дополнительные требования, так сказать...

«Меня и прежние не очень-то устраивали», – хотела сказать Фэй, но промолчала, наблюдая, как доктор распечатывает послание диетологу. Взяв направление, она вздохнула:

– Вы же понимаете, что, если бы я могла удержаться на диете, давно бы похудела? Я делаю это не нарочно.

Гриффин снял очки и устало потёр глаза.

– Я всё понимаю, Фэй, и уважаю и ваши усилия, и вашу честность. И потому говорю как есть. Или мы пытаемся затормозить процессы на фоне диеты и умеренных, крайне осторожных физических нагрузок, или вы не дотянете до сорока пяти.

В сущности, он был хорошим человеком, одним из немногих, кто соглашался честно лечить таких, как она. Большинство врачей, по сути, отделялись фразой: «А что вы хоти-

те с вашим весом?» Если старику сказать «А что вы хотите в вашем возрасте?» – легко угодить под суд, а от толстяка можно отмахиваться бесконечно. Конечно, у вас болит спина, а вы как думали – таскать такую тяжесть. Конечно, не справляются сердце, лёгкие и печень. Конечно, у вас чудовищные отёки. Конечно, вы скоро умрёте – а вы как хотели? А она хотела жить. Фэй оскорбляло нежелание врачей хотя бы вникнуть в её проблемы. Кажется, явись она к ним с царапиной на пальце, её с порога встретят фразой: «Сначала похудейте». Доктор Гриффин пытался объяснить поведение коллег:

– Но, Фэй, вообразите, что на ваших глазах человек отпиливает себе ногу. И требует при этом остановить боль, кровопотерю и моральный дискомфорт. Что мы можем сказать ему на это?

– Псих, прекрати отпиливать себе ногу. Да, я понимаю. Но я не могу остановиться не из-за ослиного упрямства или безумия. И мне очень больно.

Самое страшное в этом разговоре, что доктор Гриффин в ответ промолчал. Смотрел с бесконечной грустью и состраданием и молчал, не делая попыток её успокоить, не обещая, что всё обязательно наладится. Именно тогда Фэй острее всего почувствовала: помощи ждать неоткуда.

Одного Фэй не поняла – почему это случилось именно с ней. Ну да, лишний жир. Никто не спорит, она не просто

«полновата», а уже очень толстая. Но ведь бывает и похуже, у иных вес почти в два раза больше, чем у неё, они уже не могут ходить, а всё-таки живут. Женщины же её габаритов и вовсе оказываются энергичными и сильными. Фэй коллекционировала ссылки об успехах полных женщин, причём не в похудении, а в искусстве и бизнесе. Читала об одной, перескочившей в 444, которая работала вебкам-моделью, устраивая в Интернете шоу разной степени приватности. Не говоря о знаменитой Мисси, вполне пристойной модели плюс сайз. Её фото обошли обложки всех глянцевого изданий; она могла бы вступить в их клуб 333 и при этом родила, ведёт активную жизнь и, судя по Инстаграм, занимается спортом и путешествует. Да, конечно, Мисси едва за тридцать, а Фэй на десять лет старше, да и потяжелее будет. Да, она была толстой с детства и никогда не отличалась хорошим здоровьем. Да, её организм изнашивается в разы быстрее, чем у худышек. Но боже мой, почему же настолько быстро?!

Кстати, Розмари ненавидела Мисси. Когда Морган предложил сделать ту символом клуба 333, Розмари страшно разоралась:

– Запомни, эта сучка Мисси не нравится нам, большим женщинам! Она кумир для обычных комплексующих девиц – тех, кто весит по сто восемьдесят фунтов и считаю себя жирными. Они смотрят на неё и думают: «Вот, можно быть ещё жирнее и оставаться красоткой». А нас ей провести не

удастся. Мы-то видели такие же тела в зеркалах и знаем, что целлюлит ей зафотошопили, талию подрисовали, складки разгладили, подбородки подшили. Всё это та же самая ложь об идеальных женщинах, только чуть адаптированная.

Позже, в баре, Розмари продолжила обличать Мисси, нервно прихлёбывая апероль шприц:

– А Инстаграм, ты видела её Инстаграм?

– Ну да, – меланхолично ответила Фэй. – И там, кстати сказать, она жир не фотошопит. Все двести складочек над коленками как на ладони. Не к чему придраться.

– Но во всех видосиках она ведёт себя, как шлюха! Отклячивает жопу, открывает рот и облизывается так, будто говорит каждому встречному: «Эй, ты, можешь засадить в любую из моих складок». Мерзость, какая мерзость.

– Ну, дорогая, зачем ты так? – Фэй очень хотела выглядеть справедливой, хотя ей тоже не нравилась Мисси. – Она модель высокого класса с огромными контрактами, ей нет нужды заниматься проституцией.

– Подумаешь, у таких шлюх просто клиенты другого уровня, какие-нибудь арабские шейхи, готовые заплатить за секс со знаменитостью.

– Не забывай, она замужняя женщина и мать. Нет, я думаю, дело в другом. Сексуальность обеспечивает самке безопасность. Она как бы сообщает: «Не убивай меня, я могу тебе пригодиться, меня ещё можно трахнуть». Не убивай, не бей, не оскорбляй.

– И сильно ей это помогло?

Фэй знала, что это не работает, она видела в Инстаграм Мисси нашествия хейтеров – комментарии, сочащиеся ненавистью, блюющие смайлики, свиные рыла, горки дерьма. Она иногда заходила к их авторам и рассматривала симпатичных загорелых парней, демонстрирующих свои автомобили, лыжную экипировку и полное довольство жизнью. Она видела и пузатеньких мужичков средних лет, разгневанных тем, что какая-то баба не желает обслуживать их представление о сексуальности. Это были и женщины разного вида и возраста, возмущённые наглостью Мисси, которая «позволяет себе» – позволяет себе быть яркой, фотографироваться голой, одеваться так, как они не смеют, будучи вполнину легче, смеяться, быть знаменитой, жить. Когда Мисси ломалась, вешала свои заплаканные селфи и писала о депрессии, среди тысяч поддерживающих комментариев эти люди писали ей: «Просто похудей! Возьми себя в руки, жирная сука, прекрати позориться, перестань жрать и ПОХУДЕЙ!!!»

Ах, если бы. Если бы она могла. Если бы все они могли.

Главной мечтой и главной мукой Фэй была одна картинка из рекламы, которую часто использовали самые разные компании, паразитирующие на толстяках: женщина снимает с себя слои жирного целлюлитного тела, а под ним обнаруживается тонкая гибкая фигура. Фэй даже во сне видела, как уверенными движениями высвобождается из складок, будто стаскивает с себя огромные пуховые штаны, скатывает нена-

вистную плоть, а под ней оказывается настоящая Фэй. Легкая, худенькая и очень счастливая. После таких снов она всегда просыпалась с ощущением ликования, а потом долго отчаянно рыдала.

Всё началось с синего шёлкового платья. Струящегося, нежнейшего, ослепительно дорогого и на три размера меньше, чем то, в которое Фэй могла втиснуться хотя бы теоретически. То есть по меркам обычной женщины оно всё равно считалось огромным, но для Фэй это была вещь из другой жизни, где такие, как она, наряжаются, сияют и кружатся в облаке шёлка и света. Оно висело в витрине, отбрасывая холодную сапфировую тень, и все вещи по соседству выглядели линиялыми тряпками на его фоне.

Фэй толкнула дверь, вошла, и к ней тут же устремился белокурый хрупкий продавец.

– Только двадцатый размер, к сожалению, единственный экземпляр. – Он был вежлив и не выказывал раздражения или пренебрежения.

Фэй привыкла, что она не самая желанная гостья в бутиках. Нет, байеры не сбрасывали толстяков со счетов, ведь примерно четверть взрослого населения Америки имела серьёзную степень ожирения, глупо игнорировать такую огромную аудиторию. Но чаще всего полные люди довольствовались унылым масс-маркетом и несколькими линиями, которые создали модели плюс-сайз. Существовала и ниша неких карнавальных костюмов, призванных шокировать окружающих и бросать вызов классическому вкусу. Такие

шмотки вопили: «Смотрите, я имею право быть жирной и крутой, мне плевать на ваше мнение!» Это, безусловно, прекрасно, но Фэй не хотела, чтобы её одежда вопила. Серьёзные же модельеры всё ещё считали себя революционерами, если выпускали вещи шестнадцатого размера, и обслуга дорогих салонов чаще всего смотрела на Фэй со снисходительным недоумением: ой, а такое бывает вообще? А зачем оно приползло?

Но этот парень, казалось, не видел ничего плохого в её объёмах и только сожалел, что ничем не может помочь.

Фэй вернулась домой в задумчивости: она пыталась представить, какой должна быть её жизнь, чтобы в ней нашлось место для сверкающего синего платья из натурального шёлка. Дело даже не в размере – оно выглядело слишком нарядным для неё. Конечно, её макбук был последней модели, машину Фэй купила под стать себе, большую и просторную, класса Е, в гардеробе водились дорогие вещи, но ничего столь же праздничного и вызывающе шикарного она не имела. Это платье предназначалось для того, чтобы выставить свою хозяйку напоказ, а не замаскировать под кучу мусора, по недоразумению забытую в углу гостиной. И при этом в нём не было подросткового бунта, несколько неуместного после сорока лет. Оно просто говорило: «Я есть. Мне не стыдно. Жизнь удалась».

Провидение подбросило ей решение буквально через

несколько дней: Клуб 333 пригласил на один вечер Кирогу. Это было недёшево, но часть членов обладала неплохими доходами и охотно жертвовала существенные суммы на культурный досуг.

Кирогга считался самым полным тангеро в мире, и хотя его вес едва ли превышал триста фунтов, он смотрелся впечатляюще рядом с тонкими подтянутыми партнёршами. Блондинка, с которой он танцевал, выглядела бы изящной на фоне любой обычной женщины, а среди тех, кто весил в три раза больше неё, даже не казалась человеком. Как тень на стене, как рисунок тушью, как оживший диснеевский персонаж. Поэтому Фэй на неё почти не смотрела, даже и не думала сравнивать себя с ней – такое тело не для жизни. А вот крупный тяжёлый Кирогга казался вполне достижимым идеалом. Он, как сытый лев – ну да, не слишком прыгучий и гибкий, но всё равно подвижный. Ноги и бёдра слушались его, двигаясь так легко и быстро, будто он не таскал на себе лишнюю сотню фунтов жира. Он был плавным, живым и страстным. «Наверняка трахается сколько захочет, – насмешливо подумала Фэй. – Молоденькие танцовщицы дают за мастерство, а ему хватает дыхалки, чтобы взять их не только лёжа на спине». Она завидовала и язвила по привычке, на самом деле чувствуя небывалый подъём – один из нас танцует, и не в комических номерах, а как полноценный романтический герой. Один из нас живёт.

Нельзя сказать, что до того дня Фэй ничего не слышала о танго – наоборот, она не раз наблюдала, как стареющие женщины на пороге шестого десятка вдруг осознавали, что теряют контакт со своим грузнеющим телом, и погружались в это развлечение с головой. Танго обеспечивало им движение и праздник, повод покупать вечерние платья и флиртовать.

Её коллега Амалия была как раз из таких. В обеденный перерыв Фэй увидела её в кафе и подошла со своей чашкой кофе. Амалия сидела в одиночестве и обрадовалась возможности поболтать: быстро выдала лавину информации – правила клуба, цены на индивидуальные и групповые уроки, имена лучших преподавателей.

– Я пришлю ссылку в Фейсбуке, вот увидишь, тебе понравится!

«Сколько энтузиазма! То ли им доплачивают за каждого привлечённого клиента, – подумала Фэй, – то ли и правда захватывает».

– А там есть... ну, такие, как я?

Фэй старалась не обсуждать свой вес с кем-то, кроме врачей и членов 333. Другие всё равно не поймут. Каждый только и ждёт повода посоветовать очередную диету и комплекс упражнений. У всех наготове история чудесного похудения «подруги моей сестры». И эти взгляды, в которых осуждение и жалость мешаются с тщательно скрытым ликованием: «слава богу, я гораздо стройнее». Нет. Нельзя давать людям ни единого шанса тебя задеть.

И всё же ей пришлось спросить.

Амалия запнулась, но ответила честно:

– Ну... таких больших нет, но много крупных женщин. Наш клуб специализируется на нестандартных тангерах, я сама, как ты видишь... – Она провела ладонью по животу, который с точки зрения Фэй был несуществующим, но для Амалии составлял целую трагедию.

Фэй научилась не комментировать такие вещи, не обесценивать чужие проблемы и не сравнивать, хотя внутри так и кипела. Суки. Суки. Что они понимают в «нестандартных фигурах» и «животиках»? Животик, ха! Брюхо! Жирное, необъятное вислое брюхо, за которым она не видела своего лобка – вот это в самом деле нестандартно, да.

Она несколько раз глубоко вдохнула и заговорила только когда смогла изгнать из голоса даже намёк на раздражение:

– Ты меня обнадѣжила, Амалия, спасибо, жду ссылку.

В глубине души понадеялась, что та забудет, но едва они разошлись по рабочим местам, мессенджер Фейсбука звякнул и показал новое сообщение.

«Что ж, может, и загляну к ним как-нибудь».

Но Фэй удивительно быстро решилась на визит. Клуб располагался поблизости от её дома, как раз по пути с работы, а на первую встречу можно было записаться по Интернету. Уже через неделю Фэй парковалась на частной стоянке и, между прочим, отметила, что другие машины не хуже её

«Dodge Hellcat», а то и подороже – похоже, здесь танцевал упитанный средний класс, соль земли. Она собралась с духом и выбралась наружу.

Толстяк, приходящий в спортзал, притягивает к себе массу внимания. Ресепшенисты пытаются впарить ему самый дорогой годовой абонемент, тренеры делают ставки, явится ли он на второе занятие, накачанные мальчики и девочки тихо молятся о том, чтобы он пыхтел и брызгал по`том подальше от них. Танцевальные клубы вряд ли сильно отличаются, и Фэй приготовилась к атаке.

Но из-за стойки навстречу вышла спокойная дама средних лет с именем «Рамона» на бейджике, которая предложила для начала провести небольшую экскурсию по клубу:

– Мы не будем заходить в помещения, где идут занятия. На время урока это приватная территория для наших учеников. Но у нас бывают открытые дни, если захотите посмотреть. А вот свободный зал, взгляните. – Рамона, открыла дверь и включила свет. Фэй вошла и тотчас отразилась в огромном зеркале. Это выглядело так скверно, что она тут же решила отказаться от идеи танго, регулярно видеть себя во весь рост – слишком большое испытание. Дома она довольствовалась небольшим зеркалом в гардеробной и маленьким в ванной.

Рамона не заметила её замешательства и продолжила экскурсию:

– Здесь у нас раздевалки с отдельными кабинками.

Фэй увидела довольно широкие двери, внутри помещался шкафчик для одежды, очередное зеркало и банкетка. Она прикинула, что, пожалуй, сможет там переодеться, не ударяясь локтями о стены.

– Из каждой можно пройти в персональную душевую.

Фэй представила, сколько же это должно стоить – возможность не бегать голой на глазах у других женщин была только в дорогих клубах.

– К услугам гостей бар со свежавыжатыми соками, белковыми коктейлями и травяными чаями. Хотите зерновой батончик, мисс Гейз?

Фэй не хотела.

– В зависимости от абонемента вы можете взять в месяц восемь индивидуальных уроков у преподавателя или пойти на групповые занятия. Вип-условия предусматривают возможность посещения любых групп в неограниченном количестве – у нас ведь не только танго, но и латина, и даже рок-н-рол, список я потом покажу. Кстати, в клубе есть массаж и СПА, для разных абонементов их услуги либо предлагаются с большой скидкой, либо бесплатны. А теперь давайте посмотрим, у кого из наших учителей есть свободные часы в этом месяце. – Рамона подвела её к своему столу и вывела на монитор расписание. – Смотрите: Линн, Том, Николай, Джошуа.

Фэй разглядывала фотографии стандартно симпатичных парней не старше тридцати пяти и чувствовала себя немно-

жечко в борделе. Попыталась вспомнить имена, которые называла Амалия.

– Ну, может быть...

– Я вас не тороплю, – остановила её Рамона. – Такие решения принимаются при личной встрече. Сейчас вы можете с ними познакомиться, а потом обсудим ваш абонемент... С кого начнём? О, привет, Том!

Фэй оглянулась на вошедшего, и в груди у неё заныло.

– Мне всё равно, – ответила она.

После пятиминутных бесед с темнокожим Джошем и белобрысым Линном Фэй была готова сбежать. Трудно вынести момент, когда стандартно-лучезарная улыбка на симпатичном мужском лице сменяется лёгкой паникой. Парни быстро брали себя в руки, но Фэй успевала увидеть их разочарование и тревогу: не просто богатая курица пришла расстрясти жопу – тут ходячая проблема явилась. С какой стороны к ней вообще подступить? И заниматься наверняка не будет, знаем мы таких.

От встречи с Николаем она отказалась, но из вежливости пришлось поговорить с Томом – в конце концов, они уже столкнулись нос к носу, неловко показывать, что он её не заинтересовал.

Фэй вошла в ярко освещённый зал, увидела зеркало и поморщилась. Том неторопливо встал, подошёл к стене и отключил часть ламп:

– Если вам так спокойнее.

– Я...

– Вы боитесь и смущаетесь, я знаю. И знаю, чего вам стоило прийти. Почему вы решились?

Неожиданно для себя Фэй ответила правду:

– Я увидела Кирогу...

– О, это многое объясняет. Но вы ведь понимаете, что пройдут годы, прежде чем вы обретёте такую лёгкость? И это будет трудно.

– Вы меня нарочно хотите отпугнуть, чтобы не возиться?

– Я бы мог просто отказаться.

Фэй поняла, что против обыкновения внимательно смотрит ему в лицо. Она старалась не разглядывать людей, тщетно надеясь, что и они не будут на неё таращиться. К тому же не любила считывать их мысли на свой счёт, замечать насмешку или отвращение. Но этот парень оставался абсолютно спокойным. Бледный, со старомодной стрижкой и дурацкими усишками, он походил не на спортсмена, а на настоящего наёмного танцора, какого-нибудь коварного испанского жиголо из старинного чёрно-белого фильма. Но в глазах его читались только дружелюбное внимание и, пожалуй, любопытство.

– Не буду скрывать, мне интересно. Вы для меня серьёзная задача, Фэй.

Она хмыкнула:

– Что ж, я подумаю! – И повернулась к выходу.

– Буду ждать вас, Фэй, – прозвучало ей в спину.

«Надо же так любить деньги!» – Фэй всегда прятала смущение за цинизмом.

Рамона протянула ей несколько листочков:

– Вот все наши предложения, но я бы посоветовала этот вариант. Вы оплачиваете восемь индивидуальных занятий в месяц, а к концу этого срока определяетесь, хотите ли продолжать. Цена будет чуть больше среднемесячной, но если потом решитесь, мы вычтем эту сумму из стоимости годового абонемента.

Фэй кивнула и пообещала перезвонить.

Идя к машине, она ещё не знала, будет ли заниматься. Но внезапно поняла, почему так заныло в груди, когда вошёл Том: несмотря на странный устаревший имидж, он был чертовски, чертовски красив.

Фэй, конечно, не влюбилась – к сорока трём годам она прекрасно научилась не влюбляться. Пожалуй, это было её важнейшее психологическое достижение, наработанное за жизнь: никаких иллюзий! никаких ожиданий! никакого трепета на пустом месте! А влюблённость складывалась именно из этого – показалось, размечталась, возбудилась, и опаньки, спелое сердце падает к ногам очередного парня, ласково взглянувшего на толстуху, ударяется об асфальт, трескается, забрызгивает ему брюки жиром и кровью, все вокруг в ужасе, всем противно, всех тошнит, мейделе плачет...

Мейделе? Откуда вылезло это словечко? А, ну да, тётушка Жюдит, папина старшая сестра, которая умерла лет пять назад, – она одна так называла Фэй. Это слово пришло из её еврейского детства, перекочевало в детство племянницы, но там не прижилось. Фэй злилась и требовала не придумывать дурацких кличек, и без того хватало поводов чувствовать себя странной, ещё и это. А тётушка Жюдит качала головой и говорила:

– Мейделе-мейделе, однажды ты пожалеешь, совсем скоро никто не назовёт тебя так.

Мама Фэй как-то услышала и всполошилась:

– Ты имеешь в виду – тебя не станет? Не говори так, Жюдит!

– Нет, – рассмеялась тётушка. – Меня-то само собой, но совсем скоро не станет мейделе. Девочка вырастет и убежит из детской, превратится в девушку, а потом в женщину, и никто больше не назовёт её мейделе, никто не узнает в ней мою маленькую принцессу.

«Скорей бы, – пожала плечами двенадцатилетняя Фэй. – Скорей бы стать взрослой».

Детство Фэй не было несчастным, но она всё равно ждала, когда оно закончится. Ребёнок ничего не решал, по крайней мере в их семье. У него не было воли, выбора, прав, ничего такого, что могло бы облегчить жизнь.

– Зато у тебя нет обязанностей, Фэй. Ты просто ходишь в школу и делаешь, что говорят, об остальном заботимся мы с папой и отвечаем за всё тоже мы.

Мама искренне считала, что это честные правила, но Фэй могла бы с ней поспорить.

Она всегда была большой девочкой. Родилась весом в одиннадцать фунтов и уже в три месяца обычная коляска стала ей тесна. Фэй быстро развивалась, раньше своих ровесников начала переворачиваться на живот, отрастила первые зубки, встала на четвереньки, а потом поползла. Педиатр говорил, что это нормально – толстые младенцы всегда опережают тощих. Миссис Гейз страшно радовалась, она хотела иметь успешного ребёнка, лучшего во всех отношениях,

самого красивого, самого умного и талантливого. Зря она, что ли, вышла за еврейского мужчину – от них получаются хорошие дети. А красоту дочь должна унаследовать от неё. Фэй и правда вышла прекрасная, с золотыми кудрями, серыми глазами и огромными щеками, которые были видны со спины. Когда она катила по улице, важно восседая в коляске для близнецов, никто не оставался равнодушным. Прохожие останавливались, указывали друг другу на её чудесные щёки и смеялись; никто не верил, что малышке всего полгодика, она выглядела более взрослой и развитой. Мама молилась, чтобы так оставалось всегда.

Видимо, у миссис Гейз были особые заслуги перед Господом, потому что вышло точно по слову её – люди до сих пор смеются над Фэй, тычут в неё пальцами и отказываются верить, что она ещё довольно молодая женщина.

Но пока маленькая Фэй жила в любви и восхищении, и даже поход в школу поначалу ничего не изменил. Она оставалась пухленькой, но кто бы посмел критиковать сдобное златовласое дитя, одноклассникам и в голову не приходило, что с самой яркой девочкой в классе что-то не так. У неё первой среди сверстниц начала расти грудь, и это тоже стало предметом гордости для её мамы. Дочка обещала превратиться в богиню плодородия и нарожать для миссис Гейз таких же красивых и здоровых внуков. К тому же Фэй хорошо училась, была живой и весёлой, другие дети стремились с ней дружить.

Именно с её прекрасной большой груди всё и началось. Она бросалась в глаза уже в десять лет, и Фэй с изумлением обнаружила, что отношение к ней неуловимо изменилось. Старшие мальчики смотрели теперь как-то иначе, и это не всегда нравилось Фэй. Она была обыкновенным ребёнком, но в головах у подростков творились странные вещи, они считали, что если есть сиськи – ты уже не дитя. Фэй толком не понимала, что происходит, ей нравилось внимание мальчишек, но грудь мешала.

Однажды, например, на уроке физкультуры она застряла в спортивной скамейке. Дурацкий момент, как из ситкома: тренер дал задание поднырнуть между двух перекладин; худенькие дети скользили, как рыбки, а Фэй заклинило. Кое-как протиснулась до пояса, а потом новенькая грудь и пышная попа не пустили её ни туда, ни сюда. Все, включая тренера, смеялись, и Фэй хохотала пуще других. Пришлось вызвать техника с инструментами, и пока он, ухмыляясь, раскручивал скамейку, Фэй всё смеялась, смеялась и смеялась так, что начала икать. Ну, весело же.

Она удивилась, когда школьный врач принёс воды и вызвал маму – ничего же не произошло, ни синяков, ни царапин, все отлично развлеклись. Врач тоже успокоил маму, подтвердил, что девочка цела, но именно тогда впервые прозвучало то самое слово, которое потом висело над Фэй всю жизнь:

– Всё в порядке, миссис Гейз, но подумайте над рационом

Фэй. Возможно, ей стоит немного похудеть, чтобы чувствовать себя комфортней.

Мама кивнула, но, возвращаясь домой, дала волю раздражению:

– Похудеть? Ха! Ты просто совершенство, моя маленькая. Нельзя с самого детства забивать голову этой ерундой. Станешь подростком и вытянешься сама по себе.

За ужином они рассказали обо всём папе, он фыркнул и вспомнил дурацкий анекдот про девочку, которая застряла в хулахупе, а тренер сказал ей: «Иди домой, не порть фигуру». Фэй не очень поняла смысл, а мама и вовсе прикрикнула на отца, наверное, анекдот и правда был глупым.

На следующий день некоторые дети странно поглядывали на Фэй – они поделились этой историей дома и, видимо, слышали от родителей и старших братьев и сестёр какие-то нелестные замечания, заставившие иначе взглянуть на популярную «маленькую принцессу».

А потом в класс пришёл Хейл и жизнь Фэй рухнула.

Она помнила каждую секунду из тех нескольких минут, когда это случилось. Вот она болтает с девочками на перемене, они обсуждают чудесное новое платье Саммер, и вдруг в коридоре появляются миссис Тейлор и какой-то новый ученик. Она подводит его к группе мальчиков, что-то говорит и скрывается в классе. Мальчишки тут же начинают болтать, Фэй подходит поближе и встречается взглядом с новеньким. Раньше она думала, что только в мультиках бывает, когда у

человека из глаз вырываются лучи. Но сейчас мальчик повернулся к ней, и её будто ударило яркой голубой волной. Она даже задохнулась от удивления и замерла, а он осмотрел её с ног до головы и громко, очень громко сказал:

– А что это за сисястая жируха?!

Слова прозвучали на весь коридор, и от неожиданности дети расхохотались. Смеялись все, и лучшая подруга Фэй, и остальные девочки, и мальчишки, даже те, которые дарили ей валентинки в феврале. Фэй в первое мгновение не поняла, о ком это. Но все смотрели на неё, и в глазах новенького плясали синие искры.

Она отчаянно растерялась, секунды текли, а Фэй не знала, что делать, стоя под волнами насмешливого хохота, окатывающего её с головы до ног. В конце концов просто убежала в туалет, а после звонка поднялась к секретарю, позвонила маме и попросила забрать её домой, сказавшись больной.

Несколько лет потом Фэй думала, как сложилась бы жизнь, если бы она отреагировала иначе, как-нибудь правильно. Отбрила Хейла остроумной шуткой или вовсе ударила. Засмеялась вместе со всеми и осталась в классе. Нажаловалась учительнице, чтобы задавить конфликт в самом начале. А может, надо было заплакать, чтобы все увидели, как ей больно. Больше всего её мучало, что какое-то верное решение наверняка существовало, но она его не нашла.

Это была пятница, и в школу Фэй вернулась только после выходных, в понедельник. Когда вошла в кабинет, подума-

ла, что ошиблась дверью – перед ней был другой класс, который встретил её не так, как обычно. Никто не обрадовался, не бросился навстречу, чтобы рассказать последние новости, непопулярные девчонки не заискивали, а мальчики не ловили её взгляд. Подруга сухомерно кивнула, а чей-то голос тихонько, но отчётливо протянул:

– О, жиинииир...

Никто не засмеялся, потому что учитель уже сидел в классе, но Фэй поняла, что с ней случилась беда, кто-то подменил привычный мир, и в том, в котором она оказалась, жить не хотелось.

«Так я и осталась в нём до сих пор», – подумала Фэй, отвлекаясь от воспоминаний. Но почему, если судьба может измениться в одну минуту, нельзя точно так же вернуть всё обратно или направить развитие события по другой колее? Вот бы открылась сейчас невидимая дверь в стене, а за ней оказался новый мир, где Фэй красива, успешна и любима. А главное, худа как щепка. Или нет, пусть не худая, ровно такая, как есть, но люди принимают её без отвращения и злобы. За всю жизнь Фэй наслушалась о том, как она умна, ценна для фирмы, комфортна в общении и остроумна. Почему бы мужчинам не любить её за это, не уважать за многочисленные достижения и золотое сердце? А? Какого чёрта детей учат быть хорошими, воспитанными и старательными, а потом оказывается, что нужно быть всего лишь худыми? Поче-

му ни одна тварь не полюбила её прекрасную душу, как обещали женские романы? Где-то должна быть дверь, ведущая в иную реальность, в которой всё сбудется.

И Фэй злобно уставилась в стену, будто всерьёз рассчитывала увидеть портал и безумно устала его ждать. Если разобраться, так оно и было.

Она выбросила из головы всю эту ерунду насчёт танго и красавчика Тома, провела одинокие выходные с восхитительным сериалом о магии и горой полезной еды – как обычно, обезжиренный йогурт с черникой, цельнозерновые крекеры с то-о-оненькими слоями хумуса, фруктового джема и мягкого сыра, натуральные соки и куриная грудка в листьях салата, – всё прекрасно, если бы не количество порций. Но зато Фэй ела из маленьких тарелок! Приходилось часто их наполнять, так что походы к холодильнику обеспечивали некоторую физическую нагрузку – очень рационально!

Потом началась рабочая неделя, Фэй ездила в свой красивый офис, издалека раскланивалась с Амалией, не пытаясь завести беседу, и ни о чём таком не думала. И даже сама не поняла, как так вышло, что в среду вечером она открыла сайт клуба «Мовименто» – как гласила «легенда компании», это испанское слово означало «движение» и символизировало и танец, и стремление к переменам в жизни, и просто движуху, – завела аккаунт, оплатила пробный месяц и назначила урок с Томом на вечер пятницы.

Это, разумеется, была не первая и даже не десятая попытка активности в её жизни, и Фэй постаралась не совершать типичные ошибки неопита. Не устраивать прощальный жор перед началом аскезы – пирушка могла затянуться на несколько дней и привести к тому, что к началу урока она едва сможет двигаться. А кроме того, на выходных у неё уже состоялся загул, ну и хватит. Другая ловушка крылась в шоппинге. Воодушевлённые женщины скупают перед занятиями половину спортивного магазина, тратят кучу денег, чувствуя при этом, что уже принесли необходимые жертвы и ступили на путь к победе. Пар уходит в свисток, а в нужный день они оказываются наедине с зеркалом и новенькой спортивной одеждой, которая сидит не так симпатично, как в примерочной. Да что там, отвратительно она сидит. И женщины обречённо снимают с головы зазорную повязку для волос, сдирают с себя яркую форму из суперсовременных впитывающих и жиросжигающих материалов и прощаются с оплаченным абонементом.

Фэй проходила это много раз и просто достала из шкафа лосины и безразмерную футболку, оставшиеся с прошлых попыток, и, не подходя к зеркалу, проверила, что вещи всё ещё налезают на неё. Нашла кроссовки, шерстяные носки, сложила в сумку и сразу отнесла в машину, чтобы не было соблазна «случайно» забыть их в пятницу – такое с ней тоже бывало.

И вот она уже стоит перед Томом, стараясь не встречаться с ним взглядом. Из-за этого приходится разглядывать своё отражение, и она чувствует привычный стыд, сухой и горький, как дым от осенних листьев. Чёрная футболка с надписью: «Нет, я не выйду на улицу, там могут быть люди» могла бы служить палаткой для небольшой африканской семьи. Ярко-зелёные штанишки безжалостно подчёркивают каждую складку, хотя производитель обещал сгладить и утянуть. Но невозможно замаскировать двести фунтов жира, которые она носила поверх своего настоящего тела.

Фэй так глубоко погрузилась в переживания, что вздрогнула от неожиданности, когда раздался голос:

– Нет, так дело не пойдёт.

«Вот и всё, сейчас он меня выгонит, и кто его осудит – это зрелище выше сил человеческих».

Но Том отошёл в угол, туда, где стояли динамики, и вернулся со свёртком.

– Танцевать мы будем в платье и туфлях, никакой спортивной экипировки. Мне нужны каблуки и подол.

– Так принято? – удивилась Фэй.

– В кроссовках танцевать невозможно, а насчёт платья – необязательно. Но на милонги дамы редко приходят в брюках, так что будем привыкать. Пока что-нибудь придумаем, но в следующий раз я жду вас в правильной одежде.

Он развернул огромную широкую шаль и ловко, как то-

реадор, окутал ею Фэй, завязав на том месте, где теоретически у неё должна быть талия. На самом деле её фигура была классическими «песочными часами», но живот превращает какую угодно форму в шар.

«Счастье ещё, – подумала Фэй, – что шаль достаточно длинная, хватило изобразить юбку. Вот был бы позор, если бы она на мне не сошлась».

Том тем временем очень естественно опустился на одно колено, расшнуровал её кроссовки и по очереди стянул их с ног.

– Сегодня так.

Фэй тревожно пошевелила пальцами и порадовалась, что хоть носки чистые надела. Тёплый жёлтый паркет немного скользил и вызывал весёлое желание прокатиться, как на льду.

Том взял её за руку и поставил в центре зала. Поколдовал над освещением, так что Фэй оказалась в кругу света, а углы погрузились в темноту. Включил музыку и медленно пошёл к ней. Фэй опустила глаза и покорно ждала. Том остановился.

– Смотрите на меня, Фэй. Я не могу подойти, пока вы не посмотрите.

С огромным усилием она перевела взгляд и уставилась куда-то в район его лба.

– В глаза.

И она посмотрела.

Том ухватился за её взгляд, как за верёвку, и потянул к себе. Но ей следовало стоять на месте, пока он подкрадывался.

Наконец он придвинулся вплотную, и Фэй попыталась глядеть на его дурацкие усишки, но потом поняла, что рассматривает губы так, будто ждёт поцелуя. В панике заглянула в глаза – они улыбались. Но потом морщинки в уголках исчезли, и он снова завладел её взглядом так, что даже моргнуть неловко.

Музыка тем временем звучала, закончился скрипичный проигрыш, вступил аккордеон и нестерпимо сладкий голос запел: «Mayn yidishe meydle, zi iz azoy sheyn...»

Фэй испугалась. Отчего такой странный выбор, откуда он знает про тетюшку Жюдит и как оторвать взгляд? Происходит какая-то неведомая хрень, и она её не контролирует.

Том стоял не совсем напротив, а так, что его правое плечо чуть соприкасалось с её правым плечом. Положил руку ей на талию и начал осторожно двигаться.

– Не разрывайте контакт, Фэй, мы всё время должны быть рядом. Смотрите мне в лицо и чувствуйте мой корпус. Представьте, что между нами яблоко, и оно не должно упасть.

На трясущихся ногах Фэй шла в раздевалку. Они напряжённо работали весь урок, хотя Расскажи кому, не поймут – тарасились друг на друга и топтались на месте. Но с Фэй сошло семь потов, и она спешила в душ, чтобы поскорее их смыть.

Следующее занятие назначили через два дня – у Тома было мало свободных вечеров, но пятница и понедельник пустовали и достались Фэй. Перед выходными народ предпочитал развлекаться в барах, а после медленно приходил в себя. Ей же бурная социальная жизнь не грозила, если она не ехала в 333, то проводила время с Netflix.

После первого урока Фэй так вымоталась морально и физически, что уснула в девять вечера и проспала до утра. На ужин смогла съесть только яблоко, поэтому с особым наслаждением позавтракала и собралась на прогулку. Но сначала нашла подходящее для уроков платье и туфли для латины, с ремешком и на толстеньких каблуках. Выдержать её массу могла не каждая пара, эту делали на заказ, и они пришлись точно по ноге. Остались с тех времён, когда Фэй была помоложе и как-то раз решила заняться сальсой. Помнится, дело ограничилось покупкой обуви, коробку Фэй припрятала на самую дальнюю полку и немедленно выбросила из головы. А теперь у туфель появился шанс.

Платье же было... Ну, каким может платье двадцать шестого размера? Фэй ненавидела, когда коллеги обсуждали шопинг и приставали к ней с вопросами: «Какое пальто ты купила?» Ха. Оно на меня налезает, и это главное его достоинство. А ещё встретила очередной бандаж, поддерживающий живот, но носить всё равно не буду, давит и врежется. Удалось отхватить правильные велосипедки на липучке – не скатываются с брюха, едва пошевелишься. А без штанишек

под юбкой беда, ляжки стираются до крови за полчаса ходьбы. А лифчик... Нет, вы точно хотите об этом поговорить?

Фэй постаралась успокоиться и спустилась за машиной, прижимая к груди пакет с одеждой. Бросила его на заднее сиденье и поехала в парк. Пару часов бродила по дорожкам, иногда совсем медленно, а иногда убыстряя шаг так, что сердце начинало протестующе подпрыгивать. Маршрут, конечно, от скамейки до скамейки, но всё же длиннее, чем от дивана к холодильнику. Обедать вернулась домой, она терпеть не могла есть на людях. Когда полный человек отправляет что-нибудь в рот, никто не остаётся равнодушным. Если толстяк заказывает огромные порции, все понимающе кивают – потому ты и жирный, милоч, это не болезнь и не конституция такая. Когда хрустит листиком салата, люди пожимают плечами – наверняка дома обжирается тайком.

Фэй могла бы рассказать правду: даже если держать её огромное тело на двух тысячах калорий, она всё равно не худела. Метаболизм у неё был, как у мёртвого бегемота. Диабет исключал возможность голода и жестоких диет, приходилось есть часто и понемногу. Она неоднократно пыталась вести дневник питания и подсчитывать калории, но быстро сдавалась от стыда и отчаяния, начинала врать в записях, а позже и вовсе бросала. Тощие не поймут, зачем обманывать в дневнике, который никто не увидит, постоянно «забывая» перекусы пиццей, придумывая, что четвертинка торта-суфле весила всего сто граммов и стоила меньше двухсот калорий.

Невозможно объяснить, что стыд – худший надсмотрщик и палач, и с каждым куском ты разочаровываешь всех – себя, маму, которая на небесах, но обещала приглядывать, своего врача, в ужасе наблюдающего за твоим движением в ад, коллегу, с которым стоило бы потрахаться, не будь ты таким бессмысленным животным, детей, что могла бы иметь. Поэтому Фэй сначала аккуратно корректировала цифры, а потом злилась, показывала фак маменьке и остальным голосам в голове и бросала подсчёты.

Но сейчас всё было иначе. Она не хотела ни пиццы, ни торта, и ненасытный желудок почему-то не требовал горы крекеров и литров йогурта. Она как-то отвлеклась от его нужд, хотя остальное тело, наоборот, стало притягивать больше внимания. Ныли ноги, немного сдавливало сердце, покалывало в боку, но ей казалось, это приятная боль, вроде той, что возникает, когда в СПА крепко растираешь кожу горячим полотенцем.

Она себя чувствовала. Не хорошо или плохо, а в принципе начала ощущать тело не посторонней желеобразной массой, а как живой организм. И потому в ближайшие дни делала с этой внезапной жизнью разные вещи. Меняла в душе напор воды, чередуя холодные и горячий струи. То и дело прикасалась к себе и даже мастурбировала дольше обычного, затягивая процесс и прислушиваясь к сладкому эху во всём теле. Упросила Мэрион найти для неё окно и съездила на массаж, который давно забросила.

Мэрион в молодые годы была профессиональной спортсменкой-тяжеловесом, поднимала штангу и выступала в соревнованиях международного уровня, пока позволяло здоровье. Теперь стала массажисткой и благодаря сильным рукам могла промять какие угодно слои плоти. К тому же для работы у неё был специальный стол, широкий и крепкий, на котором Фэй помещалась, не рискуя его раздавить.

– Что случилось, милашка? Снова решила вернуться к себе? – Мощная Мэрион говорила низким голосом, наводящим на мысли о гормональных препаратах, которыми порой злоупотребляют спортсмены.

Фэй точно не знала, как закончилась её карьера, но не исключала, что имели место допинговый скандал и дисквалификация. Её это не интересовало. Главным в массажистке был не столько опыт, сколько то, что Фэй её почти не стеснялась. Ей было спокойнее со всякого рода странными людьми, таким же нестандартом и генетической выбраковкой, как она сама.

Она разделась, забралась на стол по небольшой лесенке и улеглась на живот, ожидая, пока Мэрион скорректирует высоту.

– Так-так, посмотрим, с чем ты пришла. Здесь охрененный стресс, как всегда. – Мэрион корчила из себя знахарку, умеющую считывать по телу информацию о переживаниях клиента, но Фэй это не обманывало. Тоже мне, цыганская магия – угадать, что толстуха живёт в стрессе и фрустрациях.

– Забавно, забавно. – Марион многозначительно бормотала, но Фэй не хотела доставлять ей удовольствие и расспрашивать. Сама расскажет.

Дремать во время массажа не получалось, он был глубоким и болезненным, но к концу Фэй всё равно расслабилась и отдохнула.

Через час работы Мэрион удовлетворённо хмыкнула и утёрла полотенцем вспотевшее лицо. В принципе, профессионалу не всегда требуется прикладывать силу, чтобы добраться до нужных точек и хорошенько их промять, но с Фэй был особый случай.

– Вот что я скажу тебе. Ты не такая, как обычно. Твоё тело созрело для перемен, хочешь ты того или нет. Не знаю, что случилось, но не просри этот шанс, понятно?

Что ж тут непонятного? Насчёт «просрать» Фэй была чемпионкой. Что угодно, вплоть до самой жизни.

Фэй договорилась с Мэрион на встречи по субботам и вторникам и заплатила за месяц вперёд, чтобы не было соблазна слинять. После танго ей действительно необходим массаж, она могла бы получить его в клубе, но сомневалась, что тамошние мальчики с ней справятся. Ей представлялось, что уход за телами стареющих тёток не требовал от них серьёзных усилий, по крайней мере, в смысле непосредственных обязанностей. Нет, она никого и ни в чём не подозревала, но прекрасно знала, что в мире телесных практик обслуживание клиентов иногда заходит дальше обычного.

И это была ещё одна причина, по которой она не могла, не должна была увлекаться Томом.

Второй урок был таким же нервным и трудным. Они отрабатывали постановку стоп, учились держать равновесие, не терять контакта телом и взглядом. Но Фэй поняла, что паникует чуть меньше, и даже позволяла себе шутить. Начала называть Тома «учитель», причём явно с большой буквы, вкладывая в это слово бесконечную иронию. Он легко поддерживал шутки, но не давал Фэй скатиться в обесценивание. Когда она в очередной раз проехала по своей слоноподобной грации и микроскопическим успехам, Том остановил её:

– Фэй, давайте прямо сейчас проясним ситуацию. Все новички неуклюжие, даже те, кто спортивнее вас. Никто не встаёт на паркет и не начинает скользить в танце с первого урока. И поверьте мне, вы не хуже многих моих учеников, когда перестаёте бояться. У вас есть чувство ритма и страсть, а над остальным мы поработаем.

У неё страсть? Вот это новость. В ней действительно горел огонь, да ещё какой, но вряд ли он поможет ей танцевать. Она корчилась на нём всю жизнь, как здоровенная сальная свеча, и всё не сгорала. Том тем временем продолжал:

– Нам предстоит большая работа. Мы делаем новую Фэй. Каждый, кто приходит на танго, на самом деле приходит за этим – чтобы измениться.

Только утром в среду Фэй вспомнила, что у неё есть весы. С ними у неё были более горячие отношения, чем случались с мужчинами. В хорошие времена, когда удавалось придерживаться диеты, она с волнением всматривалась в цифры на табло и мечтала, как они начнут снижаться. В плохие пряталась от них, как от грозного босса, которому задолжала полугодовой отчёт. Это было солидное устройство со шкалой до пятисот фунтов, со стойкой, на которой крепится экран, оно снимало шестнадцать показателей, большинство из которых Фэй не желала знать. Но обычные домашние весы её не выдерживали, а кроме того, живот мешал разглядеть, что там высвечивается под ногами.

Сейчас для Фэй наступили лёгкие дни, и поэтому она встала на платформу почти без страха. Поначалу подумала, что весы опять разрядились, но нет, она сбросила почти двадцатку меньше чем за неделю. Не бог весть какой успех, это уходит вода, и в запасе ещё осталось сто восемьдесят лишних фунтов, но... В этот раз всё шло иначе, она не чувствовала, что худеет специально, фокус внимания сосредотачивался на занятиях танго, и её волновал успех в совсем другой области. Так пусть и идёт, решила Фэй и постановила взвешиваться не чаще, чем раз в неделю, по средам.

Пятничное занятие принесло больше стресса, чем она ожидала.

– Фэй, обычно мы начинаем курс с постановки корпуса,

но с вами всё пошло немного не так, вы ведь не любите зеркала. Теперь вы держитесь гораздо уверенней, и я, пожалуй, добавлю света, чтобы вы могли видеть свою осанку.

Аааааа. Нет, ААААААА!!!! Фэй поняла, что сейчас рухнет вся хрупкая конструкция её самооценки – единственное, что в ней было хрупкого. Но Том не дал ей времени для размышления:

– Смотрите на меня, Фэй, не убегайте. Ничего не поделаешь, вы уже попали ко мне в руки, извольте подчиняться.

– А стоп-слово будет, Учитель?

– Достаточно просто не прийти на занятие. Но деньги вам не вернут, учтите.

Всё оказалось не так страшно, как она думала. Фэй по-прежнему смотрела ему в глаза и только изредка, когда спина уставала и принимала неправильное положение; он просил её поглядеть в зеркало, выпрямиться и зафиксировать перемены. За отражением она наблюдала почти отстранённо: Фэй знала и принимала, что та тучная фигура – её, но вдруг начало казаться, что это не более чем поле для деятельности, материал, из которого предстоит вылепить новую женщину. Бесценное состояние, Фэй постаралась его запомнить.

Выходные она опять посвятила прогулкам, массажу и, о боже, немного поработала во дворе. Стоял июнь, и в маленьком палисаднике под окном выросла густая трава. Фэй занимала первый этаж четырёхквартирного дома, и ей полагался небольшой участок земли. Обычно Фэй нанимала соседско-

го мальчишку, чтобы он привёл всё в порядок, но сегодня набралась храбрости и выкатила из сарайчика газонокосилку. Она чувствовала глупость и неловкость момента, обливалась потом и боялась отрезать себе ногу, но всё прошло быстро и без потерь. Она даже немного подстригла кусты, собрала ветки в мешки и отнесла в мусорный бак. Фэй так воодушевилась, что заодно прибрала и в квартире. По четвергам к ней приходила уборщица, но всё равно оставалось множество дел, которые чужому человеку не доверишь. Главным, конечно, был разбор гардеробной, но после подвигов во дворе сил на него не осталось.

Фэй вообще с большим удивлением обнаружила вокруг себя лето. Уже много лет смена сезонов проходила мимо неё, словно бы она глубоководная рыба, лежащая дне, – какая разница, что происходит над толщей вод? По улице Фэй перемещалась в машине, и погода имела для неё значение только в смысле выбора обуви – придётся пройти несколько метров до гаража по сухой дорожке или по влажной, а снег и грязь с её пути изгоняли уборщики. Ну и пальто следовало набрасывать зимой, вот и вся разница.

Были, конечно, отпуска, но Фэй с трудом помещалась в самолётные кресла, да и на машине не хотела путешествовать – слишком хлопотно искать гостиницы с прочными кроватями, креслами и унитазами. И рестораны с привычной едой. Но если честно, это отговорки – на самом деле она просто не находила сил, чтобы высовывать нос за порог и показывать-

ся на глаза множеству незнакомых людей. И предпочитала провести неделю-другую дома, изредка выбираясь на поделки в 333.

Теперь же, часами гуляя по парку, Фэй почти с изумлением вспоминала, какой восхитительно разной бывает погода. Прохладный ветер щекотал шею, солнце гладило по щекам, облака меняли освещение, а к закату мир обретал мягкие таинственные краски. Около пруда она сбрасывала туфли и ходила босиком по траве, вздрагивая от волнения, как встревоженная олениха. Отдельным сюрпризом оказалось отношение окружающих – никто не пытался её обидеть. Посматривали, конечно, а дети иногда громко задавали мамам неприятные вопросы, но в целом особого фурора она не производила.

Фэй задумалась: то ли раньше она была слишком чувствительна к косым взглядам, то ли мамино «благословение» потихоньку переставало действовать.

В понедельник она явилась на работу в отличном настроении, предвкушая вечернее занятие. Когда в обеденный перерыв спустилась в кафе, ей неожиданно помахала Амалия, приглашая к себе за столик. Было заметно, что ей не терпится поговорить.

– Ах, Фэй, ты действительно начала ходить в наш клуб? Я краем глаза увидела у Рамоны расписание, там стояло твоё имя...

– Да, дорогая, прости, что не поблагодарила тебя сразу за совет. До последнего не могла решиться, но сейчас мне нравится. – Фэй настроилась благодушно и решила извинить небольшое вмешательство в личную жизнь.

– Иииии? Какой абонемент ты взяла? Кто твой партнёр? Как успехи?

Амалия засыпала её вопросами, а Фэй, обычно не любившая праздного любопытства, охотно отвечала. Ей и самой нравилось обсуждать эту тему. Амалия занималась уже год, ностальгически вспоминала свои первые уроки и умилялась робким успехам Фэй. Им едва хватило времени поесть, так было интересно.

Вечером они с Томом разучивали шаги. Фэй безнадёжно путалась в своих и его ногах, несколько раз устроила ему довольно квалифицированную подсечку. Если бы она его уронила, то сгорела бы со стыда, но всё обошлось. Том иногда похлопывал её по плечу и успокаивающе шептал на ухо, так что Фэй всё больше чувствовала себя оленихой, которую за чем-то приручают. Временами падала духом, зато к концу занятия заметила, что немного привыкла к его прикосновениям. Первое время отчаянно шарахалась от каждого случайного столкновения, главным образом потому, что беспокоилась о Томе: вдруг ему станет противно? Но теперь стало не до того, удержаться бы на ногах и не грохнуться всей тушей, увлекая его за собой.

– Вы осознаёте, что рискуете жизнью, Учитель? – насмешливо спросила она. – Я же вас раздавлю, если обрушусь сверху.

– Я ловкий, – беззаботно ответил Том. – Фэй, не смотрите под ноги, смотрите мне в глаза. Постарайтесь считывать мои движения по сигналам тела. Слушайте их, если я направляю вас влево – не сопротивляйтесь. Если мой корпус идёт вперёд – подвиньте свой назад. Вы недоверчивая, но мы это исправим.

Фэй не совладала с лицом и прикусила губу. Ах, малыш, тебе жизни не хватит, чтобы исправить то, что сломали другие мальчики.

Устраиваясь на свою нынешнюю работу, она проходила собеседование и до сих пор не могла забыть, как удивила эйчара. Он спросил:

– Фэй, вы доверяете людям?

И она быстро, не задумываясь, ответила:

– В этом нет необходимости.

Когда он попросил уточнить, объяснила:

– Я стараюсь не полагаться на обещания, не ждать от людей ничего сверх обычных обязанностей, контролировать ключевые моменты и делать всё, отчего зависит успех проекта, сама.

– Что, и в личной жизни так? – бестактно спросил эйчар, и она совершенно спокойно ответила, что его это не касается.

Была уверена, что после этого он выбросит её резюме в

корзину, но фирма как раз нуждалась в недоверчивых контрол-фриках, берущих на себя большую часть работы. И вот уже десять лет Фэй оставалась кредитным брокером, неторопливо поднимаясь по служебной лестнице. Она была озабочена скорее горизонтальным, чем вертикальным продвижением, интересуясь не столько новыми должностями, сколько числом привилегий на прежнем месте. Аналитический ум и аккуратность пришлись как нельзя кстати, поэтому она практически создала отдел под себя.

Работа брокера подразумевала личное общение с потенциальными заёмщиками, но Фэй предпочитала высылать на встречи сотрудников, а сама занималась технической организацией и оформлением сделок, сидя в центре чуткой бумажной паутины. У неё были прекрасная зарплата, приятная цифра на банковском счету и прочная деловая репутация. И Фей по-прежнему не понимала, где в чёткой схеме её жизни должно быть место доверию.

В среду Фэй встала на весы и обнаружила, что потеряла ещё десять фунтов и вылетела из клуба 333. Она ничего не стала предпринимать по этому поводу. Звонить Розмари и хвастать было глупо – вес в любой момент мог вернуться. Это всё и без того слишком похоже на чудо, и Фэй боялась сглазить. Тем более она не собиралась в ближайшее время ехать в 333, на него совсем не осталось времени. Уже со второго урока Фэй взяла за правило каждый день заниматься

дома, повторяя пройденное, и это отнимало много сил. Она находила на Ютубе танго и танцевала с воображаемым Томом, без всякого смущения глядя ему в глаза. Выбирала ту музыку, которую слышала на уроках, и неизменно возвращалась к самой первой их песне. Невидимый Том становился почти осязаемым, она напевала: «Мейн идиш мейделе» и лукаво улыбалась. Кружась по комнате так, что стёкла слегка позвякивали, чувствовала себя безумной, зато к пятнице стала намного увереннее, и урок прошёл почти спокойно.

А на следующий день Мэрион, массируя её, бесцеремонно ухватила Фэй за складку на талии и засмеялась:

– Милашка, да ты подтянулась!

– Брось, Мэрион, лесть не входит в оплату. На мне по-прежнему висят сто семьдесят фунтов жира.

– Эй, Фэй, я никогда не вру тебе, заметила? – Мэрион слегка обиделась. – Когда ты плоха, я так и говорю: Фэй, ты в жопе! А теперь оттуда явно выглядывает твоя голова. Да, похудела ненамного, но это потому, что жир лёгкий, а мышцы тяжёлые. Явно подкачала кое-что и уменьшилась в объёмах. Приедешь домой, обмерься. И вот что... Подумай, чтобы немного заняться верхом – руки там, пресс. Ничего такого, что могло бы тебя убить, но хотя бы повороты, скручивания, отжимание от стены. И погугли уддияну бандху.

– Это вообще какие звуки ты сейчас издала, Мэрион?

– Деревня ты, напишу на бумажке.

Фэй пару раз превысила скорость, возвращаясь домой. Отыскала в ящике портновскую ленту и приступила к измерениям. Лента порядком деформировалась, потому что Фэй имела обыкновение зверские её растягивать, чтобы выиграть хотя бы дюйм. Но даже с учётом погрешности она поняла, что потеряла пару размеров. Менее чем за три недели и практически не голодая – здоровье при всём желании не позволяло ей пропускать приёмы пищи.

Фэй не выдержала и расплакалась. Всё это время она не разрешала себе энтузиазма, зная, как жестока физиология, но сейчас впервые начала надеяться. И на то, что тело её изменится, и что прогноз доктора Гриффина не сбудется. И что жизнь наконец даст ей что-нибудь из того, чем Фэй никогда не обладала. Например, немного любви.

Изведя изрядно количество платочков клинекс, Фэй успокоилась и начала строить планы. Первым делом завтра она разберёт гардеробную.

Как у всякой женщины с лишним весом, у неё была одежда как минимум трёх размеров и ещё несколько тряпочек, имеющих сентиментальную ценность – вроде штанов шестнадцатого, в которые теперь она могла только заглянуть. Фэй давным-давно из них выросла (как дипломатично выражалась), и немудрено, ведь они были ей впору ещё в школе. Берегла эти брюки потому, что однажды, незадолго до смерти, отец похвалил то, как они сидят на ней.

Потом вес только рос и колебался незначительно. Благодаря диетам и вялым тренировкам её одежда иногда откачивалась на пару размеров, но скоро снова возвращалась к прежним цифрам, а затем ещё увеличивалась. И всё-таки Фэй не оставляла надежд, храня в шкафах залежи балахонов и двадцать шестого, и двадцать четвёртого, и двадцать второго.

В принципе, широченные одеяния не нуждались в точной посадке по фигуре, но некоторые пиджаки, купленные в светлые периоды, Фэй жалела и не выбрасывала. Сейчас она не собиралась выкидывать ни самых маленьких, ни самых больших вещей, но твёрдой рукой забраковала всё, что хранило следы износа. Она любила влезть в одну и ту же тряпку и носить постоянно, и только офисный этикет вынуждал иметь по пять комплектов одежды, которые чередовались из месяца в месяц. Сотрудники беззлобно хихикали, что день недели всегда можно определить по костюму Фэй, но в целом отлично её понимали. Она просто закрыла для себя тему тела, одежды и внешности вообще.

И теперь Фэй придирчиво разглядывала ткань и если видела где-то катышки, невыводимые пятна или крохотные дырочки, с удовлетворением выбрасывала всё, чем так долго пользовалась. Конечно, был ещё новомодный принцип избавляться от того, что «не приносит радости», но с таким подходом Фэй пришлось бы отправить на помойку абсолютно всё, включая себя саму... Хотя танго она бы теперь оста-

вила.

Затем Фэй перешла к полкам с бельём, и тут ей стало по-настоящему тяжело. Ни одно самое уютное платье не стоит хорошего лифчика, превращающего бесформенное вымя в некоторое подобие женской груди. А панталоны и лосины, которые не врезаются, но и не скатываются с необъятного живота? Таких были единицы из десятков, а может, и сотен. Фэй до сих пор обдавало жаром, когда она вспоминала, как жарким летним днём второпях выскочила из дома в новых неудобных трусах и сразу поехала на деловую встречу. Уже выйдя из машины, почувствовала неладное – трусы неотвратимо ползли вниз, изредка задерживаясь в складках. Но они, к несчастью, были шёлковыми и прекрасно скользили. Фэй пришлось передвигаться короткими перебежками, забиваясь в углы и подтягивая бельё через одежду. В конце концов умудрилась найти в незнакомом здании туалет и с облегчением сняла чёртову тряпку. На встречу из-за этого недопустимо опоздала и потом ёрзала на стуле, опасаясь, что на юбке появится пятно от пота. Если ад существует, то люди там вечно испытывают тревогу и стыд того градуса, который пришлось пережить Фэй.

Проблема с лифчиками существовала с детства. Грудь неудержимо росла, и Фэй попросила у мамы купить ей топик для спортзала. Но миссис Гейз внезапно упёрлась:

– Это ещё зачем? Нечего сдавливать грудки, пусть растут

свободно!

Подпрыгивающие на физкультуре сиськи были только частью проблемы. В жару у Фэй отвратительно потела складка под грудью, но самое неприятное – соски под тонкой тканью торчали и бросались в глаза.

С тех пор как Фэй перешла в разряд непопулярных толстушек, её дразнили и по меньшим поводам, а это и правда выглядело вызывающе. Но мама упорно не желала её слышать и отказывалась покупать лифчик. То ли пугал факт быстрого взросления Фэй – ведь это означало, что сама она неотвратимо стареет, то ли у неё были какие-то свои представления о «свободном развитии». А может просто возмущала инициатива дочери. Фэй была из тех детей, которые никогда ничего не просили. Во-первых, заботливые родители зачастую опережали её желания, а во-вторых, мама сама определяла, что носить, во что играть и чем должен питаться ребёнок. Поэтому настойчивое желание Фэй показалось матери попыткой выйти из под контроля, которую необходимо пресечь. Тут-то и прозвучала фраза о том, «что мы с отцом обеспечиваем тебя всем необходимым, а ты должна слушаться и быть благодарной».

Пожалуй, это был второй знак обрушения реальности – уютный семейный мир, полный любви и заботы, внезапно стал сжиматься, превращаясь в тюрьму.

Фэй начала носить по две майки, одну потеснее, чтобы как следует сплющить грудь, а вторую посвободнее. Попробова-

ла надеть под одежду закрытый купальник, который неплохо утягивал всё тело, но каждый раз, чтобы пописать, ей приходилось раздеваться кабинке школьного туалета догола. Фэй новыми глазами посмотрела на свой гардероб и поняла, что большая часть вещей её не устраивает. Розовые принцессины платья, короткие юбочки, тоненькие кружевные кофточки не годились для меняющегося тела. А самое главное, они не подходили к новому ощущению враждебного мира вокруг. Хотелось носить объёмные толстовки с капюшонами, безразмерные майки, длинные юбки и широкие штаны приглушённых цветов, но мама считала такие вещи уродливыми. Её яркая дочь должна ходить в яркой одежде, и точка. Иногда она отправлялась на шопинг, не взяв с собой Фэй, чтобы избежать «безобразных сцен» – так называлась любая попытка ей возразить. В результате Фэй получала наряды, не подходящие не только по стилю, но и по размеру – мама неизменно считала, что дочь меньше, чем есть на самом деле. Она просто отказывалась верить, что одиннадцатилетнему ребёнку нужен четырнадцатый размер, в то время как сама носила двадцатый и тоже худышкой не была.

Но главной проблемой оставался лифчик. Фэй дошла до того, что украла из бельевого шкафа в родительской спальне самый старый мамин бюстгальтер и постаралась перешить. Он всё-таки был сильно велик, но она прятала его в портфеле, уходила в школу и переодевалась в туалете перед началом уроков. Уродливая сбруя топорщилась под шёлковыми

блузками, но Фэй упорно её носила, пока кто-то из мальчишек не ткнул пальцем:

– Смотрите-ка, у неё лифон!

У них была хорошая школа и в открытую никто никого не третировал, но слова «сисястая жируха» витали в воздухе, будто большие буквы висели над головой Фэй и загорались красным всякий раз, когда она привлекала к себе внимание. Некоторые девочки тоже носили лифчики, но их бельё, подобранное по размеру, оставалось незаметным, и никому не приходило в голову смеяться.

Проблема решилась только в её двенадцатый день рождения. Незадолго до него папа спросил, что она хочет в подарок. К счастью, мамы тогда дома не было, и Фэй, набравшись храбрости, выпалила:

– Лифчик!

Папа окинул дочь изумлённым взглядом и, кажется, впервые осознал, насколько сильно она, хм, развилась.

– Но я думал, вы с мамой как-то решаете эту проблему...

– Она не хочет покупать! Говорит, что мне рано! – Фэй внезапно оказалась на грани слёз, тщательно сдерживаемое отчаяние рвалось наружу.

– Возможно, ей виднее... – Но тут папа ещё раз поглядел на неё и кивнул. – Понял, не переживай, котёнок, я всё устрою.

Мистер Гейз очень любил свою жену, но лучше всех знал о её авторитарном характере. Поэтому в ближайшую суббо-

ту перед днём рождения он посадил Фэй в машину, сказал жене, что они едут покататься, и отправился в молл. Там они устроили такой грандиозный шопинг, что Фэй запомнила его на всю жизнь. Продавщицы в бельевой секции с некоторым удивлением смотрели на отца с дочерью, но быстро поняли задачу, обмерили Фэй и подобрали ей несколько отличных бюстгалтеров на каждый день и для спорта. В отделе для подростков Фэй помогли выбрать всё необходимое, в том числе и свободные джинсы-бойфренды. Папина кредитка крикнула, но выдержала, не зря он был банковским служащим высшего звена. С тех пор это стало их традицией на ближайшие два года – накануне дня рождения вместе обновлять её гардероб.

Разговор с мамой отец взял на себя. Вернувшись домой, он помог Фэй незаметно пронести вещи в детскую, а потом заявил, что приглашает миссис Гейз поужинать. Пока та радостно собиралась, нашёл несколько мусорных мешков и отдал дочери:

– Избавься от всего лишнего, котёнок.

За время их отсутствия она выгребла из шкафа почти все кукольные платья, ненавистные маломерные тряпки и разложила на освободившихся полках новую одежду.

Утром мама, конечно, ахнула, когда увидела дочь в чёрной майке с черепом, но отец сжал её руку:

– Мы же договорились, дорогая! У подростков свои вкусы. – И мама смирилась.

Папа всегда умел её убеждать.

Фэй прикинула, что с того важного дня прошёл почти ровно 31 год – в следующую субботу ей исполнялось 43, они с папой ехали в магазин таким же ясным июньским днём, как сегодня, и за окнами мелькала такая же свежая зелёная листва, омытая тёплым утренним дождём. Пожалуй, пришло время возобновить традицию, поняла она. Но сначала отправила старое бельё в мусор, ненужную одежду сложила в коробки, вынесла на крыльцо и позвонила в благотворительный фонд, которому иногда помогала. Они обещали заехать за вещами уже сегодня, и Фэй со спокойной душой села в машину и поехала за покупками.

Но бурного шопинга не случилось. Фэй интересовала одна-единственная вещь. Она добралась до нужного магазина к концу дня и с облегчением увидела, что он открыт. Но синего платья в витрине не было, и у Фэй упало сердце – купили. На всякий случай всё-таки зашла. Тот же белокурый subtilный продавец складывал в стопки кофточки, разворошённые покупательницами, и приветливо кивнул Фэй:

– Добрый вечер, одну минутку, я сейчас подойду. Осмотритесь пока.

Фэй скользнула взглядом по вешалкам:

– Я, собственно, хотела только одно платье, такое синее, оно висело в витрине. Его, наверное, уже нет?

– На месте, – улыбнулся продавец. – Дожидалось вас. Мы

просто сменили экспозицию. Уже несу.

Он выудил из вороха разноцветной одежды платье, и Фэй убедилась, что это оно – запахивающееся, как халат, из струящегося шёлка, с длинным поясом. Больше размером оно не стало, поэтому Фэй отказалась его примерять и попросила завернуть в красивую серебристо-белую бумагу.

– Подарок? – понимающе спросил продавец.

– На день рождения, – кивнула Фэй.

– Я положу внутрь чек, ваша подруга сможет его вернуть, если не подойдёт.

Фэй заплатила баснословную сумму и вышла, прижимая пакет к груди. Вместе с этим платьем она дарила себе новое тело и новую жизнь.

Дома не сделала попытки его надеть, чтобы не испытать разочарования. Сначала она должна похудеть ещё на размер и только тогда позволит шёлку окутать себя, войдёт в него, как в синее ласковое море.

В понедельник они с Амалией снова обедали вместе и безо всякого смущения сплетничали о преподавателях.

– Они там все красавчики, – смеялась Амалия, – и наши дамы от них без ума. Тебе нравится твой Том?

– Хорошенький мальчик, – небрежно ответила Фэй. – Но жиголо не по моей части.

В глубине души ей стало неловко за уничижительную реплику, ведь Том сделал для неё столько хорошего. Он, по

сути, становился самым важным мужчиной в её нынешней жизни, хотя и в несексуальном смысле. Во-первых, помогал ей измениться, а во-вторых, других мужчин поблизости всё равно не было, если не считать доктора Гриффина. Но Фэй слишком боялась показаться смешной, чтобы признать вслух его значение.

– Ты чересчур серьёзна, дорогая! Знаешь выражение «Танго – это любовь на три минуты»? Без лёгкой очарованности танца не получится.

Амалия так покраснела, что Фэй с удивлением посмотрела на неё.

– А ты и твой Линн...

– О, почти ничего такого! Но понимаешь, обольщать – часть их работы. Чтобы женщина в нашем возрасте, – тут Амалия себе немного польстила, ей-то было около пятидесяти, – решилась на что-то новое, на определённые нагрузки и регулярные занятия, ей нужен дополнительный стимул. Не только желание танцевать, но и маленькая влюблённость, сладкий флирт на грани фолла. Да все через это проходят. Втрескиваются сначала в преподавателей, а потом те аккуратно переводят фокус внимания на танго. А коготок меж тем увяз – ты уже привыкла ходить на уроки.

Амалия внезапно погрузилась, сняла очки в тонкой оправе и принялась протирать их салфеткой. Морщинки в уголках глаз и губ стали заметнее, и Фэй поспешила заполнить неловкую паузу:

– Думаю, ничего такого не произойдёт, я не слишком романтический объект даже для невинного флирта.

Амалия улыбнулась.

– Ты давно не смотрелась в зеркало, Фэй. Хорошеешь на глазах. Расслабляешься, и будто цветок в тебе распускается.

Фэй смутилась и сменила тему, она стала слишком интимной для разговора с коллегой.

Но на уроке была задумчива, с подозрением поглядывала на Тома – не пытается ли он её соблазнить, чтобы обеспечить себе работу на год вперёд? Ничего такого не заметила. Он оставался галантным ровно настолько, насколько требовали церемонные ритуалы танго, не пытался ущипнуть за задницу и вообще не уделял её обильным прелестям особого внимания. В глаза глядел, это да. Так глядел, что Фэй иногда краснела. Но взгляд к делу не пришьёшь, хотя нынче харрасментом считается даже пристальное рассматривание.

Они танцевали тревожное и слишком быстрое «Либертанго», когда Том вдруг остановился и слегка встряхнул её:

– Так, Фэй, это невыносимо!

Она испугалась, но не удивилась. Странно было только то, что он так долго продержался – её неуклюжесть и неповоротливость в самом деле были невыносимы. А Том тем временем продолжал:

– Прекратите бояться! Если вы танцуете, вы не можете ошибиться. Не вспоминайте заученные движения, слушайте

музыку и двигайтесь так, как она требует. И так, как вы чувствуете. Что вы чувствуете сейчас?

– Стыд, – неожиданно для себя ответила Фэй.

– Что ж, в этой музыке есть и стыд. Везде, где есть страсть, бывают и смущение, и отчаяние, и печаль. Слушайте мелодию и танцуйте под неё.

– Но я не умею... Мы выучили слишком мало движений, чтобы начать, – пробормотала Фэй, но Том посмотрел на неё с таким изумлением, что она замолчала.

Фэй уже достаточно измучилась, чтобы ему подчиниться. Она прикрыла глаза и попыталась найти в музыке нужное состояние. Не осталось сил держаться и выглядеть хорошо, поэтому она позволила своему телу двигаться так, как оно чувствовало. Возможно, она выглядела уродливо и жалко, но это был её первый настоящий танец.

В среду весы опять обрадовали.

Фэй прислушалась к совету Мэрион и начала делать зарядку утром и вечером. И уддияну бандху погуглила. Эта странная йогическая практика состояла из нескольких дыхательных упражнений и вроде бы обещала, среди прочего, укрепить внутренние органы и уменьшить количество висцерального жира. Фэй относилась к таким вещам скептически, но внимательно прочла руководство и добросовестно тратила полчаса перед едой, чтобы хитрым образом задерживать дыхание и считать до ста восьми, напрягая какие-то

неведомые мышцы. Поначалу её хватало секунд на двадцать, потом она задыхалась и начинала сначала. Но постепенно Фэй справлялась всё лучше, и, кажется, живот немного подтягивался... Но не хотелось бы обольщаться впустую, поэтому списала эффект на своё богатое воображение.

А ещё Фэй вспомнила фразу Амалии и внимательно посмотрела на себя в зеркало.

Тщательно подкрашенные золотистые волосы, серые глаза, аккуратный нос, гладкая кожа и чёткая линия губ. Неплохо, если не обращать внимания на то, что ниже подбородка. Она обладала приятным и не слишком полным лицом, которое могло принадлежать более худой женщине. Иногда Фэй представляла, какой красавицей её задумывала природа, но тело всё испортило. В такие моменты она ещё больше его ненавидела, но сейчас почувствовала только грусть и надежду. Пленную принцессу необходимо расколдовать и освободить из темницы. Иона должен вылезти из туши кита. Скульптору придётся вырубить Афродиту из мраморной глыбы. А ей нужно меньше жрать, брать себя за толстую жопу и тащить на танго.

Она нашла страничку Тома в Фейсбуке и долго листала ленту вглубь. Рассматривала фотографии с милонг- и танго-турниров, видеозаписи выступлений.

Он появлялся с разными партнёрами, некоторые из них, очевидно, были его клиентками, немолодыми и неспортивными, другие выглядели профессиональными тангерами. Но

каждую он обнимал с одинаковой нежностью и силой.

Фэй провела несколько часов, пытаясь вычислить, с какой из них он фотографировался чаще, с кем танцевал более страстно, чем с прочими. Прошерстила список его друзей, нашла среди них дам, отмеченных на фото. Прочитала поздравления с праздниками, комментарии к постам, проанализировала лайки. Увидела игривые сердечки от Амалии и решила впредь не слишком с ней откровенничать. Зашла на странички самых настойчивых поклонниц, проверила фото, возраст и семейное положение. Затем проделала те же изыскания в его Инстаграм, отметив, что он подписан на десяток фитоняшек, помешанных на собственных задницах и прессах.

Аналитический ум Фэй мог обнаружить связи между всплеском моды на удаление комков Биша и колебаниями цен на акции Теслы, но в случае предполагаемых девушек Тома логика отказывала. Все они были привлекательнее неё, и ни одна из них его не стоила.

Фэй убила на эти исследования целый вечер, чувствуя себя одновременно старой глупой коровой и ревнивой школьницей. Но нет, она не влюблена. Просто любопытно.

Фэй обнаружила, что танго поселилось у неё в голове – как будто радио в машине научилось принимать некую волну, которая теперь пробивается сквозь все прочие каналы. Так и у неё появился постоянный фон, время от времени врываю-

щийся в повседневные мысли. Вдруг посреди прогулки тело начинало вспоминать музыку или во время деловой беседы мимо проносился обрывок мелодии. Тогда её подхватывал ритм, и она с трудом удерживалась, чтобы не сделать пару танцевальных шагов или игривых движений бёдрами, не повернуть голову с поднятым подбородком так, как учил Том.

Чем ближе было очередное занятие, тем сложнее и бессмысленнее становилось бороться с музыкой, и когда Фэй приезжала в клуб и выбиралась из машины – её тело уже танцевало.

Предпоследнее занятие из восьми оплаченных проходило непринуждённо. Фэй уже решила для себя, что продлит абонемент, а Том, казалось, ни о чём таком не беспокоился. Он чуть усложнил задачу, увеличив темп, но внимательно следил за состоянием Фэй. При регистрации ей пришлось внести некоторые медицинские данные, чтобы преподаватель мог рассчитать безопасную физическую нагрузку. В принципе, Фэй подписала отказ от претензий, но мёртвая клиентка не украсила бы репутацию клуба.

В её анкете Том вычитал ещё кое-что.

Урок уже близился к концу, и Том включил последнюю композицию. Фэй вздрогнула – зазвучала та самая «мейде-ле», с которой началась их история. Том осторожно повёл, склонился к её уху и сказал:

– Фэй, сорока принесла на хвосте, что у вас завтра день

рождения.

«Думаю, год рождения она тебе тоже принесла?»

– С некоторых пор я не слишком рада этому дню.

«Если быть точной, с четырнадцати лет».

– Я хотел бы поздравить вас, но заранее не принято. А завтра у вас наверняка вечеринка с друзьями.

«Конечно, Netflix и холодильник мои самые лучшие друзья».

– Спасибо, Учитель.

– Как насчёт того, чтобы пообедать вместе в воскресенье и отметить это дело?

Фэй подняла на него взгляд, и губы её опасно дрогнули.

«Алё, малыш, не надо таких жертв, я всё равно заплачу за твой сраный абонемент».

Сдержалась и ничего не сказала, всё ещё не желая его оскорблять. Но Том что-то понял по её взгляду и заговорил горячее обычного:

– Не думайте плохого, Фэй. Я дорожу нашим общением. Вы храбрая и сильная женщина, для меня честь разделить с вами праздник, серьёзно. А ещё вы умная и весёлая, мне хорошо с вами. Что скажете?

«Чёрт. Чёрт. Чёрт. “Твою мать” я скажу».

– Я согласна, – скромно ответила Фэй.

Кажется, после этого она всё время танцевала. Когда возвращалась домой, когда спала ночью, когда утром лежала на

столе у Мэрион, гуляла по парку и выбирала платье на завтра. Внутри себя она кружилась и пела. День рождения пролетел почти незаметно, она даже не устроила праздничную пирушку – всё завтра. Ответила на поздравления в Фейсбуке и легла спать пораньше.

Том предложил заехать за ней, но она отказалась – неизвестно, какая у него тачка, вдруг Фэй не поместится? В её собственной машине были шикарные вращающиеся сиденья, можно открыть дверцу, нажать на кнопку, кресло повернётся и она выскользнет наружу почти изящно, насколько это возможно для бегемота. Фэй по привычке насмеялась над собой, но знала, что двигаться гораздо легче, чем раньше, и в этом была огромная радость. Да, тело тревожило. Требовало еды, болело, колени ломило, лёгким часто не хватало воздуха, сердце всё время пыталось куда-то сорваться. Накатывала тошнота, а во рту бывало сухо, как в пустыне. Если хоть раз пропустить свои таблетки от диабета – мало не покажется. Но сквозь привычную боль она всё равно чувствовала радость. В ней поселились новая свобода, невиданный доселе кураж, разрешающий быть странной, смешной, некрасивой или прекрасной – такой, как она себя ощущала, а не такой, как должна выглядеть некая усреднённая женщина её возраста и комплекции.

Платье выбрала обманчиво простое, зелёное, хорошего кроя и очень дорогое. Двадцать второго размера, последний

раз влезала в него лет десять назад, но с тех пор рука не поднималась выбросить, уж очень шикарно оно выглядело.

Ещё в пятницу вечером она записалась к парикмахеру и в воскресенье с утра уже сидела у него в кресле.

– Что будем делать, Фэй? Мы ведь только недавно красились и подрезали кончики.

– Я хочу распущенные волосы, Макс. Завей пару локонов и уложи.

– Ого, в воздухе запахло романтикой!

– Ой, извини, если я пукнула, Макс!

Они смеялись, пока парикмахер распускал её привычную косу, собранную в пучок, мыл, завивал пряди. Визажистка, оценив ситуацию, предложила подкрасить Фэй, пока волосы сушатся, и та согласилась. Она не признавала ничего, кроме тонального крема, пудры и светлой помады, но тут рискнула. Предупредила только, что платье наденет зелёное, а губы не должна быть слишком яркими. Лак на ногтях ей тоже сменили.

Когда над ней закончили колдовать, Макс повернул кресло к зеркалу, и Фэй глубоко вздохнула. Она была красива. Даже несмотря на грузное тело, в ней читалась сильная эффектная женщина.

Макс похлопал её по плечу:

– Я всегда это знал, малышка. Ты чертовски горячая. Удаchi тебе сегодня.

Фэй оставила им космические чаевые.

Она приехала на пять минут раньше, надеясь, что Том задержится, и тогда она ловко усядется заранее так, что он прежде всего увидит её лицо. Но он уже ждал за столиком у окна, и ей пришлось пройти через весь зал ему навстречу. Том поднялся, вручил ей букет нежнейших пахучих лилий («слава богу у меня нет аллергии, запах с ног сбивает»), отодвинул стул, который, к счастью, выглядел надёжным, проделал прочие ритуалы вежливости, и она наконец перестала нервничать. Спустя десять минут они легкомысленно болтали, попивая сухое белое вино. Том достал из кармана коробочку.

– Фэй, это вам.

– Эй, Том, я ещё не готова к браку! Мы едва знакомы, вы слишком торопитесь. – Фэй смеялась, но ей было очень приятно. Она даже начала называть его по имени вместо ехидного «Учитель».

Открыла коробочку и увидела небольшую серебристую брошку, сделанную в виде парочки тангерос. Такие продавались на «eBay» за пять баксов, но сам факт!..

– Спасибо, милый друг, – искренне сказала она.

Когда наступило время десерта, официант принёс пирожное со свечкой. Том и прочие посетители ресторана зааплодировали, а Фэй страшно смутилась.

– Мне хочется уколоть себя вилкой, вот что.

– Вы склонны к мазохизму, Фэй? Завтра я усилю нагруз-

ки.

– Нет, но я, похоже, сплю или попала в голливудское кино третьей руки.

– Ну, так уж и третьей – я очень старался. Что ж, колите, если так необходимо, но это ваша новая жизнь, и она только начинается.

Фэй нравилось, что Том не делает вид, будто не видит в ней ничего особенного. Она охрененно особенная, у неё уродливое тело, изломанный характер и печальная судьба. Но он не шарахается в испуге, готов с ней работать и вроде как согласен дружить. Том, в сущности, сказал те самые слова, которых она всю жизнь ждала от мужчин: «Вы умная и весёлая, мне хорошо с вами». Он разглядел Фэй под слоем жира, как ей всегда мечталось.

«Неужели эта чёртова дверь в стене всё-таки открылась?»

Том проводил её к машине, подал букет:

– До завтра, Фэй.

– До завтра, Том.

Это было самое восхитительное празднование дня рождения в её взрослой жизни. «Пожалуй, я снова смогу полюбить этот день».

Вечером Фэй снова танцевала и вспоминала. Нет, не Тома, а ту свою первую любовь, с которой началось всё самое страшное в жизни.

Потому что она, конечно, не придумала ничего умнее, чем влюбиться в Хейла. В маленького засранца, который выставил её посмешищем перед всем классом. Но эти невозможные голубые глаза, которые то резали ей сердце на куски, как джедайский меч, то обволакивали тёплой волной, если Хейл смотрел чуть ласковее...

Дело в том, что он не был подонком — в десять лет люди не так часто оказываются безнадёжными мерзавцами, и жестокость их обычно происходит от глупости, помноженной на неспособность представить себя в чужой шкуре, но это и взрослым непросто. Хейл не ожидал, что его наглая грубость произведёт такой сильный и долгосрочный эффект. Ну, сказал и сказал, мало ли кто как обзывается. Но дурочка Фэй жутко расстроилась, а у остальных как пелена с глаз спала — типа раньше не замечали, что она толстушка? Хейл не мог выбросить этот случай из головы и чувствовал себя виноватым. Она хорошенькая девчонка, и сиськи такие нормальные, а теперь ходит как побитая собака. Хуже того, она смотрела на него коровьим взглядом и вздыхала. Все это видели и ещё больше подсмеивались. Если бы не это, Хейл бы поболтал с ней разок-другой, но теперь ну его к чёрту.

Фэй, конечно, не понимала, что происходило у него в голове, но чувствовала, что виновник её несчастий зла не держит, это всё какая-то глупая ошибка, которую непонятно как исправить. Она открыто сохла по нему лет до тринадцати, пока класс не вернулся с летних каникул и Хейл не закрутил

роман с Саммер, которая вместо Фэй стала самой популярной девочкой в классе. Тогда Фэй собрала волю в кулак и перестала надеяться. На свете есть и другие парни. Некоторые начали проявлять к ней осторожный интерес, не обращая внимания на репутацию неудачницы, и Фэй была благодарна за внимание, пусть даже никто из них не нравится ей, как Хейл. Так в её жизнь вошёл Адам.

Тут Фэй остановилась. Это была горькая часть личной истории, и она не хотела к ней возвращаться, не сегодня. Сегодня пусть будут только музыка и нежный танец с невидимым мужчиной. Лилии наполняли комнату бешеным запахом и кружили голову не хуже марихуаны.

Перед сном она развернула синее платье, одела его в прозрачный чехол и повесила на стену в спальне. Чтобы видеть каждое утро, когда открывает глаза.

Она почти не заметила рабочий день в понедельник. Уговаривала себя, что вечером её ждёт просто очередной урок, последний в этом месяце, но впереди ещё много таких – трудных и вдохновляющих. А глупое сердце подпрыгивало, как щенок, и рвалось наружу. «Не знаю, что хуже – чтобы это была ишемия или влюблённость в молокососа. Или мне кранты, или я в маразме». Фэй включила броню искрящейся самоиронии, но в глубине души не хотела защищаться. Было бы здорово вернуться в уязвимое состояние юной девочки и

только молиться, чтобы в этот раз дело не закончилось катастрофой. «Ладно, даже если мальчик полюбезничал со старушкой из жалости или ради дела, у меня будет симпатичный приятель, флирт на танцульках и любовь на три минуты, как выразилась Амалия, дважды в неделю по столовой ложке. Возможно, это всего лишь начало прекрасной дружбы, почему бы и нет».

Фэй подошла к дверям клуба и замерла от восхищения. За эти выходные кусты шиповника, растущие у крыльца, расцвели и теперь пахли тонко и сладко, как девчачьи поцелуи. Том ждал в зале, и когда она вошла, сразу нажал на пульт музыкального центра и вместо приветствия молча протянул ей цветок. Фэй вставила белый шиповник в волосы над левым ухом и улыбнулась. Нехитрый деревенский ритуал приглашения был милым и многозначительным. Они начали танцевать.

Урок промелькнул мгновенно, они вышли из зала, поздоровались с Линном, явившимся на свои занятия, и расстались: парни отправились в комнату для преподавателей, которая располагалась рядом с холлом, а Фэй в свою раздевалку. По дороге передумала, решила сразу зайти к Рамоне и продлить абонемент. Но у стойки никого не было, Фэй стала ждать, рассматривая рекламные проспекты на столе и нетерпеливо постукивая тупелькой по мягкому напольному по-

крытию. Вишнёвый ковёр приятно пружинил под ногой, на улице угасал золотистый закат, из открытого окна доносился запах шиповника, который не мог разогнать даже вентилятор, еле слышно жужжащий под потолком. В нём была какая-то старомодная прелесть – скоро придёт жара и холл наполнится безжизненным кондиционированным воздухом, а пока большие белые лопасти размешивают настой из цветов и заходящего солнца. «Красиво – обобсаться».

Ветерок принёс Фэй голоса из «учительской» – Том и Линн что-то с хохотом обсуждали. Наверное, анекдоты травят, балбесы. Она не хотела, да прислушалась.

– ...чисто розовый носорог. – Смех Линна был полон искрящегося молодого веселья. – Не боишься, что наступит?

– Я ловкий, – фыркнул Том.

– Она так смотрит, будто съесть тебя хочет. Брат, успокой меня, ты ведь не думаешь с ней замутить?

– Ох, я не справлюсь. Если только вприглядку с малышкой Гулар, я кончаю от кубиков у неё на животе каждый раз, когда открываю Инстаграм.

– Тогда будь осторожен, я сегодня аж вспотел от её взгляда.

– Брось, Линн, она хоть и потешная, но я её уважаю. Каждый раз еле живая уползает, но не сдаётся. А представь, какого таскать на себе столько жира. Это как если бы я тебе на загривок влез и ножки свесил...

Фэй начала тихо пятиться в коридор. Беспомощно под-

няла руки к голове, пальцы наткнулись на цветок, запутавшийся в волосах. Машинально высвободила его и уронила на пол. Вернулась в раздевалку, приняла душ и тщательно оделась. На выходе кивнула Рамоне, села в машину и уехала домой. Первым делом зашла на сайт клуба и удалила свой аккаунт. Она надеялась, что её не будут беспокоить, но на всякий случай заблокировала их номера в телефоне, адрес в почте и страничку в Фейсбуке. Все контакты Тома тоже занесла в чёрный список. Пару недель немного нервничала, но он с ней не связывался – не смог или не стал, потому что всё понял, когда вышел в холл, чтобы встретить следующую клиентку, и увидел увядший белый шиповник на вишнёвом ковре.

А в тот вечер Фэй легла в постель пораньше, но пришлось встать, снять со стены синее платье и перевесить в глубь гардеробной. «Чек выбросила, дура, дура», – подумала она и наконец-то расплакалась. Но сон не шёл, а воспоминания, которые удалось прогнать в прошлый раз, теперь вернулись и стояли перед ней, будто кадры из кинохроники на огромном экране. Она не могла закрыть глаза и досмотрела до конца.

В День святого Валентина она входит в класс и сразу видит на своей парте конверт. Один, а не как в младшей школе – горку открыток и маленьких свёртков со смешными подарками. Но Фэй рада и этому и как всегда волнуется ров-

но до момента, когда распечатает послание. Она всё время ждёт, не может не ждать, что Хейл однажды пришлёт валентинку, несмотря на то, что они с Саммер не отлипают друг от дружки. Но надежда живёт до тех пор, пока взгляд не выхватывает подпись – большую букву «А» под аккуратными строками. И что-то в ней ломается, она смотрит на Адама, который обернулся к ней с первой парты и улыбается.

Он, в сущности, отличный парень, и вся его вина в том, что он не Хейл. И ещё маленький. Ниже всех мальчишек в классе и, главное, ниже самой Фэй. И такой худой, что кажется, будто он вполовину меньше. Шуточки про гору и мышь приходят в голову даже самым добродушным одноклассникам, поэтому Фэй пресекает все его попытки приблизиться, хотя Адам единственный из класса, кто всерьёз ею интересуется. Преданный рыцарь, пятый год присылающий красные сердечки.

«Какого чёрта, – думает Фэй, – надо дать ему шанс».

В течение следующих месяцев Адам постепенно входил в её жизнь и занимал всё больше места. Сначала только провозжал из школы и звонил по вечерам, потом зашёл в гости и церемонно представился родителям. Миссис Гейз обрадовалась – мальчик из хорошей семьи, тихий, а что маленький, так это временно, подрастёт и возмужает.

Фэй поначалу смущалась, ведь она-то отнюдь не малышка. С тех пор, как отец помог с одеждой, она добилась ещё

кое-каких успехов – например, сама стала решать, чем питаться. Всю жизнь мама ставила перед ней тарелку и говорила «Чтобы всё съела!» – и Фэй съедала, тем более мамины каши, запеканки, макароны, жареный картофель, тушёное мясо, яблочные пироги и булочки были чудесными. Идеи всяких там диет, подсчёта калорий, раздельного питания миссис Гейз считала ересью, непригодной для её дочери. Понадобилось устроить небольшой бунт, который поддержал папа, чтобы отвоевать себе право на салаты, рыбу (без кляра!) и зерновой хлеб.

Мама отказалась готовить по чужим рецептам, и Фэй сама освоила лёгкие диетические блюда. Благодаря этому за пару лет она из толстой девочки превратилась в крупную сильную девушку, и Адам смотрелся рядом с ней, как младший братик. Когда он впервые полез целоваться, у неё было чувство, будто к ней пристаёт ребёнок. Но едва она отстранилась, Адам посмотрел с таким отчаянием, что пришлось закрыть глаза и подставить губы. Она стерпела влажное дрожащее прикосновение, пахнущее мятными карамельками, а потом убежала.

Адам был сложнее, чем просто маленький влюблённый мальчишка, слабость мешалась в нём с упорством, а иногда Фэй замечала настоящие вспышки ярости – однажды Адам запустил в стену стакан из-под колы, к счастью, пустой. Они тогда сидели у него дома – с недавних пор Фэй стала заходить к нему днём, пока его родители были на работе. Адам

жил в мансарде, под скошенным потолком оставалось не так много места – только для кровати, небольшого шкафа, письменного стола и кресла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.